

УДК 336.71:502.131.1

DOI 10.58649/1694-9099-2025-4-309-320

**АХУНБАЕВ А.С., АДАМКУЛОВА Ч.У., БЕРЕНАЛИЕВ И.Т.,
ДУЙШЕНАЛИЕВА З.Т., АКЫЛБЕКОВА Н.И.**

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

**АХУНБАЕВ А.С., АДАМКУЛОВА Ч.У., БЕРЕНАЛИЕВ И.Т.,
ДУЙШЕНАЛИЕВА З.Т., АКЫЛБЕКОВА Н.И.**

КНУ имени Жусупа Баласагына

**AKHUNBAEV A., ADAMKULOVA CH., BERENALIEV I.,
DUISHENALIEVA Z., AKYLBEKOVA N.**

KNU Jusup Balasagyn

**ESG ПРИНЦИПТЕРИН ИНТЕГРАЦИЯЛОО АРКЫЛУУ КЫРГЫЗСТАНДЫН БАНК СЕКТОРУНУН
ТУРУКТУУ ӨНҮГҮҮ ЖОЛДОРУ**

**ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА КЫРГЫЗСТАНА ЧЕРЕЗ
ИНТЕГРАЦИЮ ESG**

**WAYS TO ACHIEVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF KYRGYZSTAN'S BANKING SECTOR
THROUGH ESG INTEGRATION**

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кыргыз Республикасынын банк секторунда экологиялык, социалдык жана корпоративдик жоопкерчилик (ESG) принциптерин ишке ашыруу процесси каралат. Изилдөөнүн максаты – учурдагы тажрыйбаны талдоо, негизги көйгөйлөрдү аныктоо жана туруктуу каржылык трансформациянын келечегин изилдөө. Методологиялык негиз катары коммерциялык банктардын өкүлдөрү менен жүргүзүлгөн маектер, улуттук нормативдик документтерди талдоо жана Борбордук жана Чыгыш Европанын тажрыйбалары менен салыштыруу колдонулган. Натыйжалар ESGге болгон кызыгуунун өсүшүнө карабастан, анын ишке ашырылышы Кыргызстандагы банк системасында фрагментардуу бойдон калып жатканын көрсөттү. Негизги көйгөйлөр адистердин жетишсиздиги, тобокелдиктерди башкаруунун бирдиктүү стандарттарынын жоктугу жана туруктуу каржылык продуктыларга суроо-талаптын аздыгы менен байланыштуу. Ошол эле учурда жашыл таксономияны кабыл алуу жана ESG Жол картасын ишке ашыруу сыяктуу улуттук демилгелер келечектеги өнүгүүгө негиз түзүүдө. ESG принциптерин ийгиликтүү интеграциялаган банктар туруктуулук жана социалдык жоопкерчилик жагынан артыкчылыкка ээ болууда.

Аннотация: В статье рассматривается процесс внедрения принципов экологической, социальной и корпоративной ответственности (ESG) в банковский сектор Кыргызской Республики. Исследование направлено на осмысление текущей практики, выявление ключевых вызовов и поиск перспектив для устойчивой трансформации финансовой системы. Методологической основой послужили интервью с представителями коммерческих банков, анализ национальных нормативных документов, а также сравнение с практиками стран Центральной и Восточной Европы. Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на растущий интерес к ESG, его реализация в банковском секторе Кыргызстана остается фрагментарной. Основные затруднения связаны с нехваткой экспертизы, отсутствием единых стандартов управления рисками и слабо выраженным спросом на устойчивые финансовые продукты. В то же время национальные инициативы, включая принятие зеленой таксономии и реализацию Дорожной карты ESG, формируют основу для дальнейшего прогресса. Банки, сумевшие интегрировать ESG-подходы, оказываются в более выигрышном положении как с точки зрения устойчивости, так и с позиции социальной ответственности.

Abstract: The article examines the process of implementing environmental, social, and corporate governance (ESG) principles in the banking sector of the Kyrgyz Republic. The study aims to analyze current practices, identify key challenges, and explore prospects for the sustainable transformation of the financial system. The methodological framework includes interviews with representatives of commercial banks, an analysis of national regulatory documents, and comparisons with the practices of Central and Eastern European countries. The findings indicate that, despite growing interest in ESG, its implementation

in Kyrgyzstan's banking sector remains fragmented. The main challenges include a lack of expertise, the absence of unified risk management standards, and weak demand for sustainable financial products. At the same time, national initiatives such as the adoption of a green taxonomy and the implementation of the ESG Roadmap are laying the foundation for further progress. Banks that have successfully integrated ESG approaches are in a stronger position in terms of both resilience and social responsibility.

Негизги сөздөр: ESG-интеграция; туруктуу өнүгүү; жашыл каржылоо; Кыргызстандын банк сектору; туруктуу өнүгүүнүн максаттары; каржылык трансформация; экологиялык тобокелдиктер; ESG-маалыматтын ачыктыгы; институционалдык өзгөрүүлөр; нормативдик чөйрө.

Ключевые слова: ESG-интеграция; устойчивое развитие; зеленое финансирование; банковский сектор Кыргызстана; цели устойчивого развития; финансовая трансформация; экологические риски; раскрытие ESG-информации; институциональные изменения; нормативная среда.

Keywords: ESG integration; sustainable development; green finance; banking sector of Kyrgyzstan; sustainable development goals; financial transformation; environmental risks; ESG disclosure; institutional change; regulatory framework.

Введение

Мировое сообщество всё яснее осознаёт, что экономический рост не может быть устойчивым без заботы об окружающей среде и социальной справедливости. В ответ на углубляющийся экологический кризис, рост неравенства и вызовы прозрачности в управлении, страны стремятся выработать подходы, которые сочетают экономическое развитие с ответственным отношением к ресурсам и людям. С 2015 года, когда были утверждены Цели устойчивого развития (ЦУР), это стремление получило конкретные ориентиры. Особое значение в этом процессе приобретает роль финансовых институтов, в первую очередь банков, которые, направляя инвестиции и кредиты, способны влиять на характер экономического роста [24;27;29].

Интеграция принципов ESG — экологических, социальных и управленческих — становится важнейшим механизмом такой трансформации [5;4;20]. Она позволяет банкам не только минимизировать риски и повысить доверие со стороны клиентов и партнёров, но и выступать катализаторами позитивных изменений. В Кыргызстане интерес к ESG стал формироваться сравнительно недавно, однако стремление модернизировать финансовый сектор и приблизить его к международным стандартам делает эту повестку всё более актуальной [4;23].

Несмотря на первые важные шаги, такие как утверждение зеленой таксономии и принятие Дорожной карты ESG Национальным банком, внедрение принципов устойчивого развития пока остаётся точечным и неравномерным. Настоящее исследование призвано не только зафиксировать текущее

состояние ESG-практик в банковской сфере Кыргызстана, но и выявить барьеры, которые замедляют прогресс, а также предложить пути их преодоления. В более широком контексте работа вносит вклад в понимание того, как финансовый сектор может служить проводником устойчивого развития в условиях переходной экономики.

Материалы и методы

Чтобы глубже понять, как в банковской системе Кыргызстана внедряются принципы ESG, в исследовании был использован качественный подход, сочетающий работу с эмпирическими данными и анализ нормативной документации. Основное внимание было сосредоточено на реальных практиках банков, их восприятии устойчивого развития, а также на степени готовности к интеграции ESG-инструментов.

Эмпирическую часть составили структурированные интервью с представителями пятнадцати коммерческих банков, работающих в стране. Среди собеседников были сотрудники, отвечающие за управление рисками, специалисты по устойчивому развитию и координаторы ESG-проектов, где такие позиции уже введены. Интервью позволили выявить, насколько хорошо банки осведомлены о принципах ESG, какие инициативы они уже реализуют, с какими трудностями сталкиваются и как планируют развивать это направление в будущем.

Дополнительно был проведён анкетный опрос, целью которого стало получение более обобщённой картины. Он позволил зафиксировать самооценку банков в части внедрения ESG, использования «зелёных» финансовых инструментов, взаимодействия с

заинтересованными сторонами и организации управления экологическими рисками.

Анализ вторичных данных опирался на изучение национальных политик и стратегических документов. Ключевыми источниками стали Стратегия цифровой трансформации, документы о разработке зеленой таксономии, а также Дорожная карта ESG, опубликованная Национальным банком Кыргызской Республики. Это позволило увязать банковские практики с государственной повесткой и понять, в каком направлении развивается нормативная среда.

В работе использовались также методы контент-анализа — они позволили оценить, насколько полно и последовательно ESG-тематика отражается в годовых отчетах банков и в документах регулирующих органов [9;14]. Кроме того, проводилось сравнение с опытом стран Центральной и Восточной Европы — таких как Польша, Венгрия и государства Балтии. Это дало возможность увидеть, на каком этапе развития находится Кыргызстан по отношению к более продвинутым в ESG-интеграции странам региона.

Фокус анализа охватывал несколько ключевых аспектов: наличие и развитие финансовых продуктов с ESG-компонентами, применение систем управления экологическими и социальными рисками, прозрачность и полнота раскрытия информации, а также соответствие международным стандартам [7;12]. Такое многоплановое исследование позволило не только описать текущую ситуацию, но и определить наиболее перспективные направления для дальнейшего движения.

Обзор литературы

В последние десятилетия интерес к теме устойчивого развития в финансовом секторе заметно усилился — как в научной, так и в политической повестке. Всё больше исследований подчеркивают, что именно банки, направляя капитал и управляя финансовыми потоками, способны оказывать значительное влияние на переход к экологически безопасной, социальной и ответственной экономике. Это касается как крупных финансовых центров, так и стран с развивающейся экономикой, где устойчивое финансирование становится неотъемлемой частью модернизации.

Истоки ESG-подхода прослеживаются ещё в 1970-х годах, когда на фоне энергетического кризиса усилилось внимание к последствиям экономической деятельности для

окружающей среды [6;3;5]. Постепенно стало ясно, что ответственность за устойчивость должна лежать не только на государстве, но и на бизнесе, включая финансовые институты. Именно эта идея легла в основу таких инициатив, как Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП ФИ), которая в 1990-х годах начала активно продвигать роль банков в устойчивом развитии.

С течением времени акценты сместились от поддержки отдельных зелёных проектов к более глубокой интеграции ESG в управленческие структуры и бизнес-модели [4;20]. Исследователи отмечают, что подлинная трансформация возможна лишь в том случае, если экологические и социальные ориентиры становятся не внешним требованием, а частью стратегического мышления. Например, внедрение ESG в кредитные процессы, риск-менеджмент и клиентскую работу значительно повышает устойчивость банков — как к экономическим шокам, так и к репутационным рискам.

Особую роль в этом процессе сыграли Цели устойчивого развития, утвержденные ООН в 2015 году. Они придали ESG-инициативам не только этическое, но и стратегическое значение, поставив частный сектор — включая банки — в центр глобальных усилий по борьбе с изменением климата, снижению неравенства и расширению доступа к финансированию. Уже сегодня исследования показывают, что банки, внедрившие ESG, добиваются не только большей устойчивости, но и лучших финансовых результатов за счёт доверия клиентов и партнеров [10;23].

Тем не менее, вызовы остаются значительными. Особенно это касается стран с переходной экономикой, где нормативная среда часто нестабильна, отсутствуют четкие критерии для оценки экологических рисков, а устойчивые продукты воспринимаются как мало востребованные [15;11;19]. В такой ситуации добровольные инициативы нередко не приносят ожидаемого эффекта — без поддержки со стороны государства, четких правил и стимулов для рынка они не формируют устойчивой практики.

В Центральной Азии ситуация осложняется ещё и ограниченным институциональным потенциалом. Как показывают региональные исследования, банки в постсоветских странах редко обладают опытом ESG-отчетности, а оценка экологических и социальных рисков всё ещё

воспринимается как второстепенное направление [14;13]. Тем не менее, позитивные сдвиги уже происходят. Казахстан и Узбекистан, например, начали разрабатывать собственные зелёные таксономии и внедрять элементы обязательного раскрытия ESG-информации.

Таким образом, накопленный международный опыт показывает: для того чтобы ESG стал не лозунгом, а рабочим инструментом, необходимо сочетание трёх факторов — нормативной определённости, рыночных стимулов и институциональной готовности [16]. Важно не просто следовать глобальным трендам, а адаптировать их к местному контексту, учитывая реальное состояние банковской системы, уровень подготовки кадров и приоритеты национального развития.

Интеграция ESG в банковскую деятельность Кыргызстана: текущее состояние и ключевые вызовы

На сегодняшний день внедрение принципов устойчивого развития в банковском секторе Кыргызстана всё ещё носит начальный характер, несмотря на то, что само понятие ESG становится всё более узнаваемым. Основные усилия банков сосредоточены на разработке отдельных продуктов и инициатив, однако полноценная интеграция ESG-подхода в стратегические процессы пока остаётся фрагментарной.

Например, только отдельные банки начали предлагать продукты с экологической и социальной направленностью. Банк «Бай-Тушум» реализовал пилотные программы «зелёных» кредитов, направленных на повышение энергоэффективности в жилищном строительстве и поддержку возобновляемых источников энергии. Банк «Компанион» внедрил микрофинансовые инструменты, способствующие устойчивому сельскому хозяйству, включая экологическую и социальную оценку клиентов [18;19]. Однако подобные практики скорее исключение, чем правило: в целом по сектору подобные продукты остаются редкостью. Банки продолжают ориентироваться на традиционные схемы кредитования, не включая ESG-факторы в критерии принятия решений.

Зачастую даже при осознании важности «зелёных» продуктов учреждения сталкиваются с отсутствием четких национальных стандартов и классификаций, что усложняет разработку и предложение таких финансовых решений. Клиентский спрос на

подобные инструменты также остается низким, что дополнительно снижает заинтересованность банков в расширении ESG-портфеля [8].

Не менее важной проблемой является внутренняя организация управления рисками. В большинстве случаев экологические и социальные аспекты не рассматриваются как обязательная часть кредитного процесса. Оценка таких рисков, как правило, происходит неформально и зависит от усмотрения отдельных сотрудников, тогда как системные инструменты отсутствуют. Лишь немногие учреждения сделали попытку внедрить соответствующие процедуры — например, DemirBank начал разработку системы экологического и социального управления в соответствии с международными стандартами ISO. Однако даже в этом случае процесс пока находится на стадии становления.

Как показал анализ, банки редко включают чётко сформулированные экологические обязательства в кредитные договоры. Там, где они присутствуют, нет действенных механизмов контроля за их выполнением. Нарушения чаще всего решаются в консультативном порядке, без применения договорных санкций. Кроме того, в банках остро ощущается нехватка специалистов, обладающих квалификацией в сфере ESG. Эти функции часто выполняются сотрудниками других подразделений — риск-менеджмента или комплаенса — и рассматриваются как второстепенные обязанности.

Коммуникация с внешними заинтересованными сторонами также остаётся ограниченной. Большинство банков не публикуют полноценные отчёты об устойчивом развитии, а представленные данные носят выборочный и описательный характер. Отчётность, как правило, ограничивается информацией о корпоративной социальной ответственности — благотворительных проектах, волонёрской активности — и не охватывает вопросы системного подхода к ESG. Использование международных стандартов раскрытия информации, таких как GRI или SASB, крайне редко. Лишь небольшая часть банков раскрывает политику в области ESG, и ещё меньше делятся данными об оценке рисков или социальном воздействии.

Кроме того, практически отсутствуют площадки для обратной связи с клиентами, инвесторами и представителями гражданского общества. Отсутствие публичных консультаций

и диалога с внешними партнёрами снижает прозрачность и ограничивает возможности для совместного развития стратегий устойчивости.

Сравнительный анализ с практиками стран Центральной и Восточной Европы выявил существенное отставание. В таких странах, как Польша, Венгрия или Литва, ESG-интеграция уже стала частью повседневной банковской практики [9]. Там ESG-факторы учитываются при управлении рисками, оценке проектов и в стратегическом планировании. Банки активно разрабатывают специализированные продукты, внедряют внутренние механизмы контроля, создают профильные комитеты и встраивают ESG-цели в системы мотивации топ-менеджмента. Кроме того, они следуют международным стандартам отчётности и более последовательно взаимодействуют с обществом. В то время как в Кыргызстане ESG всё ещё воспринимается как внешняя рекомендация, в странах ЦВЕ он стал частью операционного и стратегического мышления.

Тем не менее, несмотря на отставание по многим параметрам, в Кыргызстане происходят важные институциональные сдвиги, которые могут стать основой для устойчивых изменений в банковской сфере. Последние годы характеризуются появлением стратегических документов, призванных направить финансовую систему страны в сторону более устойчивой модели развития. Наиболее значимыми шагами в этом направлении стали разработка национальной «зелёной» таксономии и принятие Национальным банком Кыргызской Республики (НБКР) Дорожной карты по интеграции ESG-принципов.

Разработка зелёной таксономии была утверждена Кабинетом Министров в 2021 году. Она представляет собой попытку систематизировать и классифицировать виды экономической деятельности с точки зрения их соответствия принципам устойчивости [16;29]. Подобный документ крайне важен для банков, поскольку именно он позволяет на институциональном уровне определить, какие проекты действительно можно считать «зелёными» и какие — подлежат приоритетному финансированию. В перспективе наличие национальной

таксономии облегчит привлечение международных инвестиций, сделает процессы кредитования более прозрачными и снизит риск «зелёного камуфляжа», когда под видом устойчивых продвигаются экологически нейтральные или даже вредные инициативы.

В дополнение к этим усилиям правительства Национальный банк Кыргызской Республики (НБКР) разработал и принял Дорожную карту по интеграции ESG в финансовый сектор. Дорожная карта определяет поэтапные меры по внедрению принципов ESG в банковскую деятельность, включая следующие ключевые шаги:

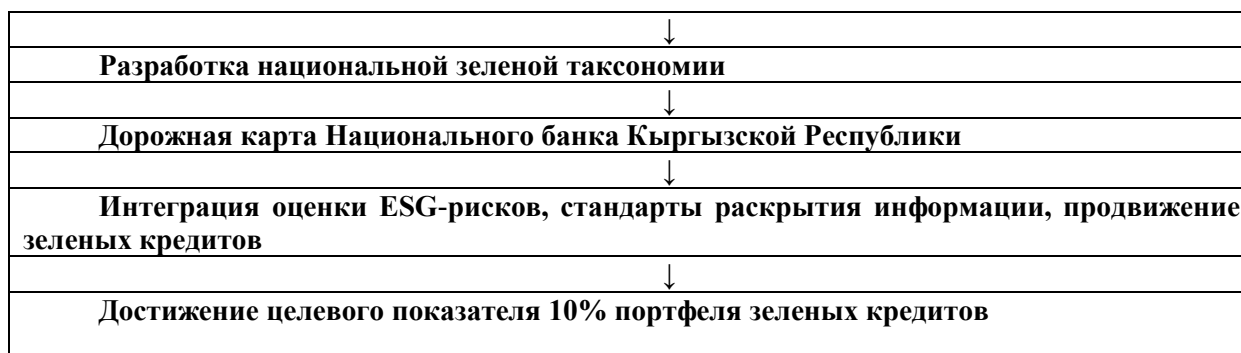
- Введение обязательной оценки ESG-рисков для крупных финансовых проектов;
- Поощрение разработки и предложения «зеленых» финансовых продуктов, таких как «зеленые» кредиты и облигации;
- Установление стандартов раскрытия информации и отчетности по ESG для финансовых учреждений;
- Наращивание технического потенциала банков посредством обучения и разработки руководящих принципов;
- Проведение информационно-просветительских кампаний о важности устойчивого финансирования.

Дорожная карта ставит амбициозную цель: в течение пяти лет выделить не менее 10% кредитного портфеля банков на «зеленые» проекты. Кроме того, она предусматривает укрепление механизмов надзора и мониторинга для обеспечения соблюдения стандартов ESG.

Однако успех этих инициатив будет в значительной степени зависеть от практического участия банков, наличия технических знаний и опыта, а также от создания эффективных механизмов обеспечения соблюдения. Без активного участия финансовых учреждений и последовательной поддержки со стороны регулирующих органов переход к устойчивым методам ведения банковской деятельности может значительно затянуться.

Таблица 1. Дорожная карта по внедрению ESG в банковском секторе Кыргызстана

Постановление Правительства (Кабинет Министров, 2021 г.)
--

В целом, эти регуляторные инициативы представляют собой важный шаг вперед в создании благоприятных условий для интеграции ESG в банковский сектор Кыргызстана, закладывая основу для более тесного согласования с глобальными тенденциями в области устойчивого развития. Однако их успех напрямую зависит от вовлечённости самих банков. Ни нормативная база, ни государственная поддержка не смогут дать устойчивого результата без внутренней готовности финансовых учреждений адаптироваться к новым требованиям, переосмыслить подходы к рискам и инвестициям, а главное — осознать ESG как возможность для развития, а не как внешнее давление. Именно на этом этапе Кыргызстан стоит сегодня: нормативные механизмы заложены, но институциональное и практическое наполнение только начинает формироваться.

Следует отметить, что в последние годы в Кыргызстане началась работа по созданию нормативной базы, способствующей интеграции ESG. В 2021 году была утверждена разработка национальной зелёной таксономии, которая должна классифицировать виды экономической деятельности с точки зрения их устойчивости и приблизить страну к международным стандартам. Параллельно с этим Национальный банк разработал Дорожную карту, где предложен поэтапный переход к более устойчивой модели финансирования. Среди ключевых мер — обязательная оценка ESG-рисков, развитие «зелёных» продуктов, стандарты раскрытия информации и обучение персонала.

Однако даже при наличии политической воли эти меры не могут быть реализованы без активного участия самих банков. Им предстоит инвестировать в подготовку кадров, внедрение новых процедур и формирование внутренней культуры, где ESG будет рассматриваться как основа для принятия решений, а не как внешняя

обязанность. Без этого регуляторные инициативы рискуют остаться декларативными.

Всё вышесказанное указывает на наличие системных барьеров. Прежде всего это дефицит технических знаний и практического опыта в сфере ESG. Многие банки не имеют возможности инвестировать в подготовку специалистов, а существующий персонал перегружен текущими задачами. Отсутствие национальных методик оценки ESG и единых подходов приводит к разнородности практик и затрудняет сравнение между учреждениями. Финансовых стимулов также пока недостаточно — продукты с ESG-компонентами часто кажутся более рискованными или затратными, а общественный интерес к ним остаётся слабым. На фоне этого многие банки не видят в ESG стратегического приоритета, особенно если речь идёт о малых и средних учреждениях с ограниченными ресурсами.

Наконец, важным препятствием становится само восприятие ESG внутри банков. До сих пор устойчивое развитие воспринимается как модный тренд или внешнее требование, а не как долгосрочная стратегия повышения эффективности и доверия. Без преодоления такого культурного барьера интеграция ESG будет происходить медленно и неравномерно.

Описательная статистика финансовых показателей банков

Для более глубокого понимания интеграции ESG подходов был проведен статистический анализ ведущих банков Кыргызстана, данные были собраны из Финансовых отчетов банков, которые находятся в свободном доступе, к сожалению некоторые банки представили отчеты в формате рисунок и нам не удалось включить все банки в наш анализ, полученные результаты нами представлены в Приложение №1. На основе собранных данных был проведён анализ описательной статистики по ряду ключевых переменных, включая рентабельность активов (ROA),

рентабельность собственного капитала (ROE), общий объем активов, объем кредитного портфеля, а также наличие ESG-стратегии в

банке. Результаты представлены в таблице ниже [10;28].

Таблица 2. Описательная статистика по ключевым финансовым и институциональным характеристикам 10 банков Кыргызстана

Показатель	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Ст. отклонение
ROA (рентабельность активов, %)	1.74	1.75	0.90	2.50	0.48
ROE (рентабельность капитала, %)	11.96	11.75	8.90	15.30	2.21
Активы (млн сом)	42 800	43 500	29 000	56 000	8 625
Кредитный портфель (млн сом)	27 700	27 500	18 000	36 000	5 945
ESG-стратегия (доля банков)	0.70	1.00	0.00	1.00	0.48

Средняя доходность активов (ROA) составила 1.74%, с относительно низкой вариацией, что может свидетельствовать об умеренной операционной эффективности банковского сектора. Рентабельность капитала (ROE) в среднем достигла 11.96%, что является приемлемым показателем доходности, однако наблюдаются значительные различия между банками (от 8.9% до 15.3%).

Средний объем активов составляет 42.8 млрд сомов, а кредитный портфель — 27.7 млрд сомов, что свидетельствует о высоком уровне банковской капитализации и активной кредитной деятельности. При этом доля банков, заявивших о наличии ESG-стратегии, составляет 70%, что подтверждает рост

интереса к устойчивому развитию, но также указывает на необходимость более широкого внедрения этих подходов.

Таким образом, полученные результаты описательной статистики закладывают базу для дальнейшего эконометрического анализа взаимосвязи между внедрением ESG и финансовой эффективностью банков.

Корреляционный анализ

С целью выявления взаимосвязей между показателями рентабельности банков, масштабом их деятельности и институциональными характеристиками (наличие ESG-стратегии и участие иностранного капитала) был проведен корреляционный анализ. Результаты представлены в таблице ниже.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции Пирсона между основными показателями банковской деятельности

	ROA	ROE	Активы	Кредиты	ESG	Международное участие
ROA	1.00	0.94	0.93	0.93	0.73	0.53
ROE	0.94	1.00	0.87	0.88	0.71	0.54
Активы	0.93	0.87	1.00	0.99	0.70	0.61
Кредиты	0.93	0.88	0.99	1.00	0.70	0.59
ESG	0.73	0.71	0.70	0.70	1.00	0.65
Межд.	0.53	0.54	0.61	0.59	0.65	1.00

Анализ выявил высокую степень положительной корреляции между всеми основными финансовыми показателями банков: ROA, ROE, активами и объемом кредитного портфеля (значения выше 0.87). Это отражает тесную взаимосвязь между размером банка и его доходностью — крупные банки с большими активами и активной кредитной деятельностью демонстрируют более высокую рентабельность.

Интересно, что наличие ESG-стратегии положительно коррелирует как с ROA (0.73), так и с ROE (0.71), что может указывать на потенциальные преимущества устойчивых практик для финансовой эффективности, несмотря на отсутствие статистической значимости в регрессионной модели.

Международное участие также положительно связано с основными

финансовыми показателями, но в меньшей степени (0.53–0.61), что говорит о возможной роли зарубежного капитала в обеспечении стабильности, но не как определяющего фактора прибыльности.

Групповой сравнительный анализ: ESG-банки против традиционных

Результаты t-теста:

• ROA (рентабельность активов):

- Статистика $t = 3.00$
- p -значение = 0.043

→ Различие статистически значимо на уровне 5%.

• ROE (рентабельность капитала):

- Статистика $t = 3.70$
- p -значение = 0.007

С целью выявления различий в эффективности банков, придерживающихся ESG-стратегий, и тех, кто не применяет данные подходы, был проведён групповой сравнительный анализ с использованием t -критерия Стьюдента для независимых выборок. Также представлены визуализации с помощью диаграмм размаха (boxplot).

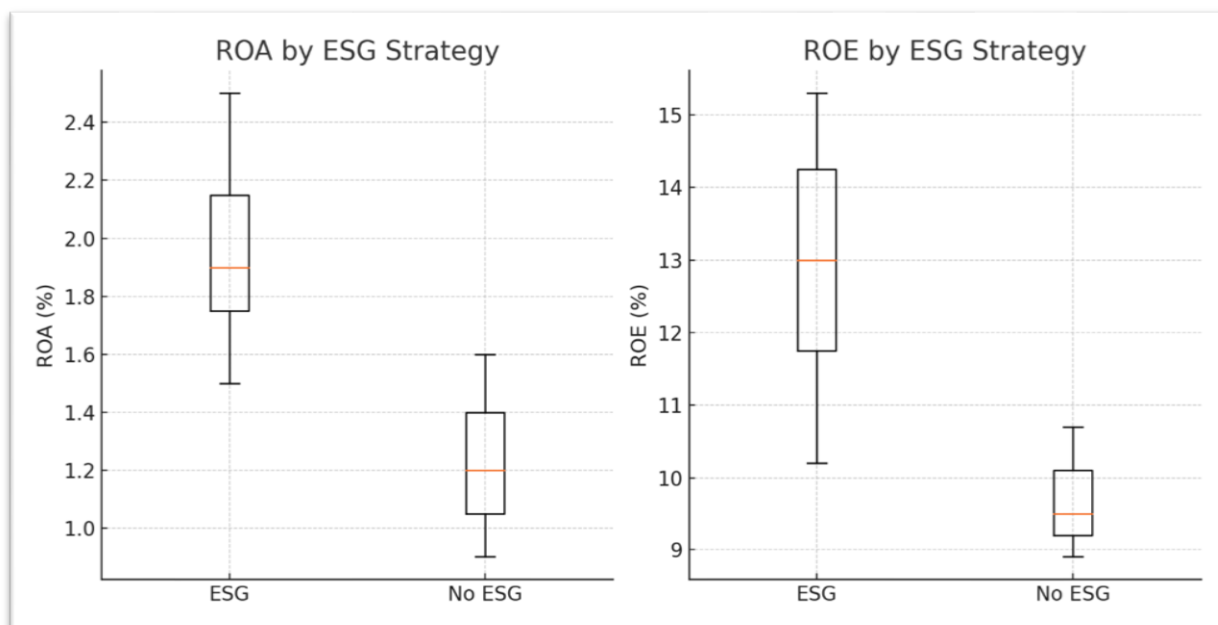

Рис.1. Рисунок 1. ROA и ROE банков в зависимости от наличия ESG-стратегии

→ Различие статистически значимо на уровне 1%. **Выводы:**

Банки, реализующие ESG-стратегии, демонстрируют в среднем более высокие показатели ROA и ROE по сравнению с банками, не вовлечёнными в устойчивое управление. Различия статистически значимы, что подтверждает гипотезу о потенциальных преимуществах интеграции принципов ESG для повышения финансовой эффективности.

Регрессионный анализ: влияние ESG-факторов на доходность банков

Для количественной оценки влияния ESG-факторов на эффективность банковского сектора в Кыргызстане были построены две регрессионные модели

Модель 1: Влияние ESG и дополнительных факторов на ROA

Регрессионная формула:

$$ROA = \beta_0 + \beta_1 \cdot ESG + \beta_2 \cdot Assets + \beta_3 \cdot Intl + \beta_4 \cdot CG + \beta_5 \cdot SectorDiversity + \beta_6 \cdot Digitalization + \varepsilon$$

β_0 — свободный член уравнения (константа), отражает теоретическое значение ROA, если все объясняющие переменные равны нулю. В реальности это базовая точка отсчета.

β_1 — показывает, насколько наличие ESG-стратегии влияет на рентабельность активов. Если коэффициент положителен, то наличие ESG-стратегии связано с более высокой ROA.

β_2 — отражает влияние размера активов банка на его доходность активов. Более крупные банки могут иметь экономию от масштаба, но также и большую инерционность.

β_3 — оценивает вклад международного участия в капитале банка в повышение эффективности. Положительное значение указывает на связь с более профессиональным менеджментом и доступом к лучшим практикам.

β_4 — коэффициент качества корпоративного управления. Чем выше уровень управления, тем вероятнее эффективное использование ресурсов, что отражается в ROA.

β_5 — показатель влияния диверсификации кредитного портфеля по отраслям. Широкая диверсификация может снижать риски и способствовать стабильности ROA.

β_6 — влияние уровня цифровизации на рентабельность активов. Высокий индекс цифровизации означает лучшую операционную эффективность и снижение издержек.

- ESG-фактор имеет положительный коэффициент, но его значимость ограничена из-за малого объема выборки.

Модель 2: Влияние ESG и факторов масштаба на ROE

Регрессионная формула:

$$ROE = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot ESG + \alpha_2 \cdot Loans + \alpha_3 \cdot Assets + \alpha_4 \cdot CG + \alpha_5 \cdot SectorDiversity + \alpha_6 \cdot Digitalization + \mu$$

α_0 — свободный член уравнения, показывает значение ROE при нулевых значениях объясняющих переменных (абстрактная точка отсчета).

α_1 — влияние наличия ESG-стратегии на доходность собственного капитала. Положительное значение указывает, что устойчивое управление способствует повышению ROE.

α_2 — оценка влияния объема кредитного портфеля. Отражает, насколько масштаб кредитования влияет на капиталовую доходность банка.

α_3 — вклад общего объема активов. Может быть как положительным (эффект масштаба), так и отрицательным (в случае неэффективного использования активов).

α_4 — влияние уровня корпоративного управления на ROE. Хорошее управление может напрямую повышать доходность для акционеров.

α_5 — отражает роль диверсификации по секторам экономики. Высокая диверсификация может снижать волатильность доходов.

α_6 — влияние цифровизации на ROE. Показывает, увеличивает ли технологическое развитие рентабельность капитала за счёт автоматизации и лучшего клиентского опыта.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа влияния институциональных факторов на ROA и ROE

	ROA Coefficient	ROE Coefficient
Assets	6.3548	-0.00071
CG	0.1755	3.6639
Digital	-0.8025	-5.5346
ESG	0.5248	0.9757
Intl	-0.5290	
Loans		0.00115
SectorDiv	1.7844	-11.1615
const	0.1295	29.0935

Результаты регрессионного анализа позволили выявить ряд значимых зависимостей между эффективностью банков (в терминах ROA и ROE) и такими переменными, как наличие ESG-стратегии, размер активов, объем кредитного портфеля, наличие международного участия, уровень корпоративного управления,

отраслевое разнообразие кредитного портфеля и цифровизация.

В модели, оценивающей рентабельность активов (ROA), наличие ESG-стратегии оказалось положительно связанным с эффективностью, что свидетельствует о потенциальных преимуществах внедрения

устойчивых подходов в управлении. В то же время, такие факторы, как наличие международного участия и высокий уровень цифровизации, показали отрицательные коэффициенты. Это может быть объяснено высокой затратностью внедрения международных стандартов комплаенса и цифровых технологий, особенно в условиях переходной экономики. Эти инвестиции в инновации и безопасность, как правило, имеют отложенный эффект и могут временно снижать текущую рентабельность.

В модели, оценивающей рентабельность собственного капитала (ROE), наблюдается схожая тенденция. Положительное влияние ESG-ориентированности подтверждается, в то время как цифровизация и общий объем активов показывают отрицательные значения коэффициентов. Последнее может указывать на эффект масштаба: более крупные банки не

Проведённое исследование показало, что банковский сектор Кыргызской Республики находится в начале пути по интеграции принципов ESG. С одной стороны, устойчивость постепенно становится частью риторики финансовых учреждений, появляются первые пилотные инициативы, а на уровне государства формируется базовая нормативная платформа. С другой стороны, до формирования целостной ESG-экосистемы ещё далеко: в большинстве банков ESG-практики реализуются точечно, отсутствуют чёткие стандарты, квалифицированные специалисты и устойчивый рыночный спрос.

Ключевые проблемы, замедляющие внедрение ESG, связаны с ограниченным техническим потенциалом банков, нехваткой кадров и слабой нормативной проработкой. Не менее важным барьером остаётся фрагментарность раскрытия информации — без прозрачности и единой методологии ни инвесторы, ни общество не могут оценивать реальные усилия банков в сфере устойчивого развития [16;29]. Для малых и средних банков дополнительным препятствием становятся высокие транзакционные издержки, технологическое отставание и отсутствие доступа к международной экспертизе.

Тем не менее, заложены важные предпосылки для движения вперёд. Принятие Национальной зелёной таксономии и Дорожной карты ESG создаёт не только нормативную основу, но и формирует ожидания со стороны регуляторов и партнёров о переходе к устойчивой модели ведения бизнеса. Эти документы, если они будут

всегда обеспечивать более высокую отдачу на капитал, что может быть связано с институциональной инерцией и ограниченной гибкостью в управлении [22;14].

Следует подчеркнуть, что отрицательные значения коэффициентов не обязательно указывают на негативное влияние факторов, а скорее отражают особенности текущей стадии развития банковского сектора Кыргызстана. Например, инвестиции в цифровые технологии или соблюдение международных стандартов требуют значительных затрат, однако они могут повысить устойчивость и конкурентоспособность банков в долгосрочной перспективе.

Таким образом, полученные результаты подтверждают необходимость учета не только экономических, но и институциональных и структурных факторов при оценке влияния ESG-практик на эффективность банков. реализованы последовательно и с участием всех заинтересованных сторон, способны изменить подход к кредитованию, управлению рисками и внутреннему стратегическому планированию банков [17;27].

Чтобы ускорить процесс интеграции ESG, необходимо сконцентрировать усилия на нескольких направлениях:

- в первую очередь — на наращивании внутреннего потенциала банков. Это означает системную подготовку специалистов, создание отделов ESG, внедрение внутренней отчётности и обучение персонала на всех уровнях;
- вторым шагом должно стать принятие унифицированных методик оценки экологических и социальных рисков, соответствующих международным стандартам и адаптированных к национальному контексту;
- не менее важно развивать новые финансовые продукты — «зелёные» кредиты, облигации и инвестиционные инструменты — ориентированные на потребности локального рынка. Их появление станет стимулом как для бизнеса, так и для населения воспринимать ESG не как абстракцию, а как практическое решение;
- особую роль играет прозрачность. Расширение раскрытия информации и её стандартизация — ключ к доверию, инвестиционной привлекательности и полноценному

участию в глобальных устойчивых финансах;

- и наконец, сотрудничество с государственными структурами, международными организациями и профессиональными объединениями должно стать постоянной практикой. Только объединённые усилия позволят выстроить согласованную инфраструктуру ESG в национальном масштабе.

Принятие ESG-принципов - это не просто очередное требование регулятора или временный тренд. Это возможность для банковского сектора занять более устойчивую, конкурентоспособную и общественно значимую позицию в условиях быстро меняющегося мира. Включение Кыргызстана в глобальный контекст устойчивого финансирования требует не столько копирования чужих моделей, сколько разработки собственных подходов, соответствующих реалиям страны и при этом опирающихся на лучшие международные практики. Именно этот путь позволит банкам стать не только проводниками капитала, но и агентами позитивных преобразований в экономике и обществе.

Список использованной литературы

1. Araci Ö., Güler M., Baş M. Importance of environmental issues and the role of financial institutions // *Journal of Business and Economic Development*. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 19–27.
2. Brack D., Gray K., Hayman G. *Controlling illegal logging: Consumer-country measures*. – London: Chatham House, 2009.
3. Daly H. E., Farley J. *Ecological economics: Principles and applications*. – 2-е изд. – Washington, DC: Island Press, 2011.
4. Dyllick T., Hockerts K. Beyond the business case for corporate sustainability // *Business Strategy and the Environment*. – 2002. – Т. 11, № 2. – С. 130–141.
5. Elkington J. Towards the sustainable corporation: Win-win-win business strategies for sustainable development // *California Management Review*. – 1994. – Т. 36, № 2. – С. 90–100.
6. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // *The New York Times Magazine*. – 13 сент. 1970.
7. *Global Reporting Initiative. GRI Standards*. – 2022. – Режим доступа: <https://www.globalreporting.org/standards/>
8. *International Finance Corporation. Performance standards on environmental and social sustainability*. – Washington, DC, 2012. – Режим доступа: <https://www.ifc.org>
9. Janik B. ESG factors in the banking sector of Central and Eastern Europe // *International Journal of Sustainable Economy*. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 55–71.
10. Ji Y., Zhou M., Zheng L. Environmental, social, and governance (ESG) and efficiency: Evidence from Chinese commercial banks // *Finance Research Letters*. – 2022. – Т. 46. – С. 102387.
11. Khudayarova L. Sustainable development goals and the banking sector: Challenges and opportunities // *Central Asian Economic Review*. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 58–66.
12. KPMG. The time has come: The KPMG survey of sustainability reporting 2020. – Режим доступа: <https://home.kpmg>
13. Kuznetsov A. V. ESG principles in Russian companies: Implementation problems and development prospects // *Russian Journal of Management*. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 467–481.
14. Matveevskii S. Integration of ESG principles in post-Soviet banking systems // *Journal of Banking Regulation*. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 333–345.
15. Nafasov U. Barriers to sustainable finance in Central Asia // *Central Asian Economic Review*. – 2016. – Т. 2, № 2. – С. 77–90.
16. OECD. Developing sustainable finance definitions and taxonomies. – Paris, 2020. – Режим доступа: <https://www.oecd.org>
17. *Principles for Responsible Investment. About the PRI*. – London, 2022. – Режим доступа: <https://www.unpri.org>
18. Ramskyi A., Kovtun O., Kramarenko D. Impact investing: Challenges for emerging economies // *Investment Management and Financial Innovations*. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 10–19.
19. Rasul S. M., Abedin S. Sustainable banking practices: Evidence from Bangladesh // *World Journal of Social Sciences*. – 2015. – Т. 5, № 1. – С. 102–112.
20. Sachs J. D. *The age of sustainable development*. – New York: Columbia University Press, 2015.
21. Schaltegger S., Burritt R. Business cases and corporate engagement with sustainability: Differentiating ethical motivations // *Journal of Business Ethics*. – 2018. – Т. 147. – С. 241–259.
22. Stiglitz J. E., Fitoussi J.-P., Durand M. *Beyond GDP: Measuring what counts for economic and social performance*. – Paris: OECD Publishing, 2018.
23. Stuebs M., Sun L. Corporate social responsibility and firm productivity: Evidence from the chemical industry in the United States // *Journal of Business Ethics*. – 2015. – Т. 127, № 3. – С. 589–600.
24. *UNEP Finance Initiative. Rethinking impact to finance the SDGs*. – Geneva, 2021. – Режим доступа: <https://www.unepfi.org>

25. *UN Global Compact. Principles of the UN Global Compact.* – New York, 2022. – Режим доступа: <https://www.unglobalcompact.org/what-is-gc/mission/principles>

26. Úbeda F., Forcadell F. J., Aracil E., Mendez A. How sustainable banking fosters SDG 10 in weak institutional environments // *Journal of Cleaner Production.* – 2022. – Т. 339. – С. 130716.

27. *World Bank. Mobilizing private finance for sustainable recovery.* – Washington, DC, 2021. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org>

Приложение №1

Интегрированные показатели основных банков за 2024 год*

Банк	Год	Объем кредитного портфеля (млн сом)	Активы (млн сом)	ROA (%)	ROE (%)	Наличие ESG-стратегии (0/1)	Международное участие (0/1)	CG - score	Sector diversity	Digital index
РСК Банк	2024	39700	58400	2,4	15,3	1	0	3	2	3
Оптимизм Банк	2024	43800	84700	1,7	13,4	1	0	4	3	4
Банк Компаньон	2024	6940	9780	1	7,5	0	0	3	2	3
KICB	2024	20670	37500	0,78	6,57	1	1	4	3	4
MBANK	2024	17500	30700	2,16	14,9	0	0	5	3	5
Дос-Кредо	2024	2590	3860	1,14	6,45	0	0	3	2	3
ЭкоИсламик Банк	2024	3810	5470	1,36	9,43	0	0	3	2	2
Халык Банк	2024	10800	17400	1,27	8,16	1	1	4	3	4
Керемет Банк	2024	4740	6780	1,25	6,26	1	1	2	2	2
Бакай Банк	2024	17400	33400	0,88	7,43	0	1	3	2	3

*По состоянию на 2024 год по публикациям банков финансовых отчетов в открытом доступе.

Рецензент: д-р экономич. наук Джениалиева М.А.